
**НИЖНИКОВ С.А. МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ
ДУХОВНЫХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ.
МОНОГРАФИЯ. М.: ИНФРА-М, 2011. 333 С.**

Трудно определить, когда в наше общественное сознание проникла сомнительная мифологема о том, что мораль и политика есть несовместимые вещи. Произошло ли это в эпоху «застоя» или же позже, когда рухнули надежды даже на принципиальную возможность построения справедливого социалистического государства? А может быть, эта недоброкачественная с точки зрения элементарной логики сентенция постепенно утвердилась вместе с пышным развитием социального нигилизма, старательно культивируемого в нашей стране уже не одно столетие определенными кругами оторвавшейся от реальности и народа интеллигенции?

Как бы то ни было, но вопрос о допустимости такого суждения остается на сегодняшний день открытым, ведь совершенно неразумно осуществлять недоброкачественную индукцию и полагать, что все политики чужды морали, даже несмотря на то, что аморальность некоторых из них, действительно, не нуждается в специальном обосновании.

Философия имеет дело не столько с единичными фактами, которые могут быть и исключениями из правил, сколько с эмпирическими и теоретическими обобщениями, всегда неполными в силу ограниченности возможностей человеческого разума.

Сопоставляя нравственность и политику, мы не можем ни полностью их разводить, ни отождествлять. Вернее и ближе к истине будет искать общие для этих областей точки соприкосновения, а таковых при соблюдении научной дисциплины мы найдем немало, поскольку и для нравственности, и для политики важнее всего не абстрактные определения, а живые действующие личности, которые совершенно недопустимо полностью лишать моральности.

Конкретный политик не может не иметь никакого отношения к нравственности, а значит, мы вправе говорить о «нравственной политике», допуская ее в философский дискурс хотя бы в качестве идеала. В монографии С.А. Нижникова, написанной на несомненно актуальную для современного общества тему (несмотря на давность постановки самой проблемы, что совсем неудивительно, ведь философствование по преимуществу как раз и состоит в поиске приемлемых для определенных места и времени ответов на «вечные» для оптимистов и «проклятые» для пессимистов вопросы бытия), идеал осмысливается как необходимый атрибут социальной жизни: «Следует различать *утопию* (как нечто, что требует реального воплощения, хотя это и невозможно, что приводит к насилию и свертыванию общественного прогресса, деформации общества) и *идеал* как то, к чему следует стремиться как к бесконечному совершенству, осознавая его недостижимость» (С. 45) (здесь и далее — ссылки на рецензируемое издание). Действительно, уже давно подмечено: при движении к цели хороший фонарь в руке поможет избежать

ям под ногами, но он не заменит путеводной звезды (идеала), недостижимой, однако помогающей определить верное направление (Ф. Бекон).

Если человек призван быть нравственным в своей жизни, то почему же такой не должна быть осуществляемая людьми политика? Политика вне морали (макиавеллизм), утверждает автор, аргументируя свой тезис многочисленными ссылками на авторитетных философов, — преступление. По его убеждению, «большая политика всегда связана с моралью, является попыткой осуществить ее некоторые принципы. Большая политика — это всегда прорыв, трансцендирование устоявшегося общественно-политического уклада, это всегда взятие политиком ответственности на себя, это всегда моральный выбор личности, обладающей властью» (С. 81—82).

Кроме доказательства неправомерности утверждения о несоотносимости морали и политики, С.А. Нижников подвергает сомнению и другой расхожий ныне миф — о незыблемости законов общественного развития, в какой бы теоретической форме они ни выражались (С. 3).

На наш взгляд, правомерность позиции автора обуславливается все той же специфически-философской характеристикой — невозможностью осуществления полной индукции при обобщении сложных социальных явлений (а простых в обществе, по-видимому, и нет). Поэтому выводимые нами закономерности, какими бы они ни были — естественнонаучными ли, социогуманитарными ли, никогда не могут стать абсолютными.

Абсолютизация той или иной теории, основанной на «окончательно» установленных законах, есть прямой путь к ее упрощению и догматизации.

Однако вывод о бесполезности «сизифова» труда по созданию теорий, основанный на вышесказанном, будет чересчур поспешен. Выделенная К. Поппером принципиальная возможность фальсификации объясняет отсутствие «незыблемости» в теориях, что, с одной стороны, позволяет избежать стагнации в науке, а с другой — открывает перед последней широчайшие перспективы роста.

Если мы обратимся теперь к моральным теориям, то с ними дело обстоит еще более сложным образом. Человек как познающий субъект, исследуя общественную жизнь, просто не в силах вырваться из рамок своей «моральности». Автор монографии справедливо отмечает: «Для естественнонаучного знания мораль является чем-то внешним, привходящим, она зачастую даже противоречит научным устремлениям, запрещая эксперименты над человеком и животным, клонирование и т.д. Для гуманитарных наук, напротив, мораль является сущностной характеристикой познания. Не дав моральной оценки тому или иному обществу и его политической системе, мы не можем сказать, что познали его» (С. 16).

Означает ли это отход на позиции морального релятивизма? По крайней мере, не для автора. Мы бы взяли на себя смелость сформулировать (за него) третью задачу, которая не обозначена во введении, однако последовательно выполняется в основном тексте монографии: обоснование объективности нравственных универсалий, исходящее из анализа богатейших духовных и интеллектуальных традиций, выработанных человечеством. Для этого С.А. Нижников обращается к подробней-

шему разбору политико-философских аспектов учений Н. Макиавелли, И. Канта, П.Я. Чаадаева, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, М. Ганди, А.И. Солженицына, М.К. Мамардашвили, А.С. Панарина, А.А. Зиновьева, о. А. Шмемана и многих других. В процессе проведения работы он приходит к результатам, обладающим ярко выраженной научной новизной. Предоставляя читателям возможность самим ознакомиться с ними, выделим лишь те из них, которые произвели на нас наиболее сильное впечатление и показались особенно значимыми.

Размышляя о природе национального, автор приходит к парадоксальной, как сам отмечает, мысли о том, что *«всечеловеческое является сущностью национального»*. Однако приведенная аргументация не позволяет согласиться с парадоксальностью этой мысли, напротив, она представляется задающей единственно возможное направление решения национальных проблем, столь характерных для современного социального мира. Всечеловеческое никак не может противоречить национальному, поскольку, отмечается в монографии, есть не только его сущность, но и его высший расцвет, *«...лишь развивая национальное, можно приблизиться к всечеловеческому, и это единственно реальное и содержательное его раскрытие, к которому шла историософская мысль в России... И современная новая Россия может иметь достойное будущее, лишь творчески обратившись к тем принципам, из которых исходили великие отечественные мыслители... Они — не позади нас, не в прошлом, а в настоящем и будущем»* (С. 167).

В монографии много внимания уделяется творчеству А.И. Солженицына (С. 275—293), плохо услышанного нами в свое время (а если будем честны — и вовсе не услышанного). Между тем этот неординарный мыслитель, призывая к обустройству России, много внимания уделял раскрытию значения моральной составляющей для философии политики, и обращение к его практическим рекомендациям, сделанным с учетом влияния нравственности на общественную жизнь, необходимо для адекватного понимания ситуации, сложившейся в современном социуме.

Нельзя не согласиться и с тезисом С.А. Нижникова о том, что повсеместно искажаемое определенной частью нынешней российской интеллигенции понимание либерально-демократических идеалов приводит к тому, что для «либерализма» нормой становится отрицание свободы, а от «демократии» отчуждается сам народ: *«Свобода при этом понимается так же, как ее понимали революционеры прошлого и позапрошлого веков — как безвластие, т.е. анархия. Опыт же показал, что ослабление законной государственной власти завершается вначале анархией, а затем тоталитаризмом. Демократия также мыслится ими анархически, вне связи с правовым государством и строгим соблюдением режима законности»* (С. 309).

Очень актуальным для современной российской действительности представляется вывод автора монографии о несовместимости олигархии и демократии: *«Когда олигархи становятся защитниками демократии, то что-то неладно или с олигархами, или с той “демократией”, которую они отстаивают. Ведь уже со времен Платона и Аристотеля известно, что наличие олигархов и демократия несов-*

местимы» (С. 315). Правда, здесь следует заметить, что то социальное явление, в особенности характерное для России конца XX в., которое часто именуют «олигархией», правильнее было бы называть «плутократией» (ошибка, на наш взгляд, характерная в целом для современной политики и политологии), поскольку олигархия — не очень конкретное понятие, оно не указывает на главный источник олигархически утверждаемой власти — материальное богатство.

В заключение краткой рецензии отметим, что монография С.А. Нижникова является чрезвычайно нужной сегодня исследовательской работой, в которой предложены практические рекомендации для поступательного движения общества к его важнейшему идеалу — моральной политике. В ней обозначены перспективы дальнейших разработок в такой значимой области научного знания, как философия политики.

А.А. Лагунов